

Стивен Рэйпер

ФАКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ И ОБ ИХ УПРАВЛЕНИИ

Статья из [The Barnes Review](#), Jan./Feb. 2001, S. 11-16.

The Barnes Review, 645 Pennsylvania Ave SE, Suite 100, Washington D.C. 20003, USA.

Stephen A. Raper, BS (hist/pol.sc.).

Перевод на немецкий язык Мартина Фрайбурга с любезного разрешения «Барнс Ревью»

Здесь приводится вызывающий удивление взгляд на систему концентрационных лагерей в Германии, без той истерии, которая в голливудских фильмах, в «ведущих» средствах массовой информации и в академических кругах часто связывается с этой темой. TBR («Барнс Ревью») и Scriptorium рады представить это, возможно, первое детальное исследование системы концентрационных лагерей, которое абсолютно отличается от той картины, которую до сих пор навязывали нам.

С помощью распространения политизированной точки зрения на немецкую историю многие в средствах массовой информации и академических кругах пытались представить немецкую систему заключения в концентрационных лагерях в качестве чего-то вроде предшественника геноцида, как ад на Земле, в котором официальная немецкая политика состояла в том, чтобы делать жизнь узников жалкой и избивать невинных жертв, мучить, насиловать и убивать их, и все это просто потому, что у этих жертв были определенные религиозные или политические представления или сексуальная ориентация.

Но правдив ли этот сенсационный взгляд на историю? Нет, цель немецких концентрационных лагерей была совсем другой, и она была, возможно, во многих отношениях лучше, чем сегодняшняя американская тюремная система. Немецкие концентрационные лагеря играли намного более положительную роль в новом и прогрессивном национал-социалистическом государстве Гитлера.

Немецкий офицер концентрационного лагеря (справа) поздравляет заключенного (слева) с его освобождением из лагеря. Эта редко публикуемая фотография проливает совсем другой свет на реальность того, что означала система концентрационных лагерей: изменение людей, а не их пытки и угнетение. Опустошение в Дахау и других лагерях в конце войны было результатом не массовой политики искоренения со стороны немцев, а острой нехватки пищевых продуктов, лекарств и медицинского обеспечения, распространения тифа и развала санитарных учреждений.

Факты докажут, что находящиеся на государственной службе историки распространяли среди широкой общественности такое представление о жизни в концентрационных лагерях, которое никак нельзя доказать.

Ежедневная жизнь в концентрационном лагере очень отличалась от той картины, которую изображает подавляющее большинство историков.

Француз Поль Рассинье, бывший социалист и критик национал-социалистической Германии, который сам был заключенным в концентрационных лагерях Бухенвальд и Дора, опубликовал в 1948 году книгу *Crossing the Line (Le Passage de la Ligne – «Переход линии»)*. В своем произведении Рассинье утверждал, что немцы сажали в концлагеря врагов национал-социалистического государства Гитлера из благонравных, пусть даже и не позитивных причин. Рассинье утверждал, что концентрационные лагеря были своего рода «жестом сочувствия», так как заключенные были доставлены туда, где они «не вредили бы новому режиму, и где они могли быть защищены от гнева общественности».

По мнению Рассинье, концентрационные лагеря не только защищали асоциальные элементы, но также были запланированы для того, чтобы реабилитировать «заблудших овец» и «вернуть их к более здоровому понятию немецкой общности».¹

Согласно Рассинье, немецкое правительство помогало тем, кого оно отправляло в концентрационные лагеря, так как они попадали в такое окружение, в котором они могли быть реабилитированы, чтобы стать более полезными членами немецкой общности.

Категории людей, которых отправляли в концентрационные лагеря, включали тех, кто был осужден из-за предательских действий, а также коммунистических партийных руководителей и всех, кто агитировал немцев отказываться от военной службы.²

Люди, которые властями Третьего Рейха рассматривались как асоциальные лица, тоже отправлялись в лагеря. Асоциальными лицами были профессиональные преступники и рецидивисты, т.е. такие люди, которые как минимум трижды были осуждены как минимум на полгода тюрьмы или исправительных работ. К асоциальным лицам относили также в частности нищих, проституток, гомосексуалистов, пьяниц, психопатов и сумасшедших.³

«Лиц без определенных занятий» (тунеядцев, не желавших работать) тоже отправляли в концлагеря. Согласно Генриху Гиммлеру, командующему (рейхсфюреру) СС, лицами без определенных занятий считались безработные мужчины, в случае с которыми «могло быть официально доказано, что они без достаточных оснований дважды отказывались от предложенной им работы».⁴

Первыми людьми, которые были арестованы и отправлены в концентрационные лагеря, были коммунисты, активно участвовавшие в попытках подорвать строение немецкого государства. На большинство из этих арестованных коммунистов поступили доносы от их же коллег и соседей, которые были озабочены и взволнованы их деятельностью.

В марте и апреле 1933 года немцы сообщили властям о деятельности более чем 10 000 коммунистов в Германии. Ввиду большого числа членов и хорошо организованных действий Коммунистической партии Германии (КПГ) местные тюрьмы были скоро переполнены, и национал-социалистическое правительство в Берлине было вынуждено найти место, где следовало бы разместить этих людей, представлявших явную опасность для будущего Германии как независимой и суверенной нации. Так как тюрьмы были полностью заполнены, местные власти начали использовать пустые универсальные магазины, склады и фабрики, чтобы разместить в них коммунистов. Эти временные учреждения с тех пор стали известны как «дикие концлагеря», так как они были импровизациями, появившимися по причине острой необходимости.

Название «концентрационный лагерь» означает просто местность, в которой были собраны – «сконцентрированы» – опасные элементы. Гитлер однажды

сказал, что идея концлагерей пришла ему в голову, когда он изучал Англо-бурскую войну в Южной Африке.⁵

Во время той войны англичане строили лагеря и собирали в них женщин и детей голландского происхождения (буров). За время пребывания в британских концентрационных лагерях более 26 000 человек умерли, преимущественно от голода, так как англичане не принимали меры, чтобы накормить небооруженных и беспомощных женщин, и также не позволяли им покидать лагеря и возвращаться в свои хозяйства. Сегодняшние придворные историки большей частью не замечают этих действий англичан против небооруженных женщин и детей, и вместо этого разбрасывают обвинения, будто бы немецкие концентрационные лагеря были лагерями смерти, единственной целью которых являлось убийство безоружных гражданских лиц. Однако это было вовсе не так.

Первый официальный концентрационный лагерь в Германии был устроен 22 марта 1933 года примерно в двенадцати милях [19,2 км] от Мюнхена в Дахау на бывшем пороховом заводе. Вопреки тому, во что нас хочет заставить поверить пропаганда союзников, немцы не стыдились этого лагеря и не скрывали его существование. На самом деле за два дня до запланированного прибытия первых узников Генрих Гиммлер провел пресс-конференцию, чтобы сообщить об открытии лагеря. Об уведомлении Гиммлера сообщалось в немецких газетах,⁶ и лагерь открылся прибытием двухсот коммунистов. Но лагерь был построен для пяти тысяч человек и предназначался преимущественно для того, чтобы устрашать тех, кто хотел бы и в будущем продолжать заниматься коммунистической подрывной деятельностью.

Гиммлер пообещал, что не будет ждать с арестом уголовных преступников пока те совершат свои преступления, и для защиты населения пообещал, что профессиональные уголовные преступники, которые были уже неоднократно осуждены, будут преследоваться куда более сурово, чем раньше, и будут изолированы от немцев в концентрационных лагерях. Гиммлер также добавил, что его лагеря будут примером чистоты, порядка и обучения. С помощью этого обучения Гиммлер надеялся перевоспитать мелких и случайных уголовных преступников, а также и коммунистов. Гиммлер приказал применять строгие дисциплинарные меры, но обращение с узниками должно было быть справедливым, и их следовало обучать различным профессиям с помощью труда и тренировки. Девизом в концентрационных лагерях было: «Есть один путь к свободе. Его вехи: послушание, усердие, честность, порядок, чистота, умеренность, правдивость, жертвенность и любовь к отечеству».⁷

В социалистической «модели» Советского Союза немецкие коммунисты находили то, что они искали: либерализм, урбанизацию и модернизм – и все это отвергало весь традиционный арийский немецкий образ жизни. По этой при-

чине немецкие коммунисты увидели в назначении Гитлера на пост канцлера президентом Германии Паулем фон Гинденбургом повод к восстанию. Целью такого восстания было создание немецкого советского государства, которое должно было строго следовать примеру Советского Союза и получать приказы от Коминтерна из Москвы. Но Гитлер разглядел угрозу, которую представляли коммунисты для немецкого общества, и после поджога Рейхстага, устроенного коммунистом, он быстро отреагировал, взяв их под арест. Тогда-то Гитлер и принял решение строить первые концентрационные лагеря.

Однако, вместо того, чтобы мстить коммунистам или несправедливо и противоправно поступать с ними, лагерь в Дахау был построен с целью изменить их и сделать их гражданами, которыми могли бы гордиться немцы – гражданами, которые, в общем, вернулись бы в немецкое общество, чтобы далее жить в нем как мирные и приличные мужчины и женщины. Немецкая система концентрационных лагерей была задумана как учреждение, направленное не на наказание, а на переделку и перевоспитание врагов нового немецкого государства.

Корреспондент американской газеты «New York Times» вскоре после открытия лагеря в Дахау получил разрешение посетить этот лагерь, и у него сложилось впечатление, что комендант лагеря Теодор Айке и люди под его началом всерьез принимали свое задание перевоспитывать заключенных. «Они честно и серьезно верили, что их задание было педагогическим, а не наказывающим.... Дезориентированные ненацисты, которые еще не пришли к истинной вере, вызывали у них искреннее сожаление».⁸ Дело было не только в том, что узники еще не нашли веру в руководство Адольфа Гитлера как вождя, но они также принимали участие или поддерживали подрывные действия, которые были направлены на уничтожение государства.

Один составленный в 1934 году и распространенный в органах Гестапо внутренний документ констатировал, что национал-социалистическая Германия не пришла к своему завершению, пока ее противники не научились поддерживать ее и идентифицировать себя с целями немецкой общности вообще. Автор документа подчеркивал воспитательную ценность и идеологические наставления, которые лагеря должны были внушать узникам, и предлагал, чтобы заключенные наполнялись такими знаниями, которые после освобождения делали бы из них полноценных членов немецкого общества.⁹ Спустя совсем короткое время другой документ Гестапо предостерегал все государственные органы власти, чтобы те не докучали освобожденным заключенным, не цеплялись к ним зря, так как это могло бы затруднить их полную реабилитацию и помешать их возвращению в немецкую общность.¹⁰

Сами немцы часто называли эти лагеря «воспитательными лагерями». Летом 1942 года, через три года после начала Второй мировой войны, Гиммлер все

еще подчеркивал взгляд на лагеря как на средство перевоспитания, когда писал одно письмо Освальду Полю.¹¹ Способ выражения, который он использовал в этом письме, был также использован как часть официальных указаний охранникам лагерей. Гиммлер инструктировал каждого охранника давать заключенным личный пример своим поведением, чтобы наполнить их уважением к национал-социалистическому государству и научить их тому, как прилично себя вести.¹² Это перевоспитание в лагерях, в общем, должно было подчеркивать такие традиционные арийские добродетели, как упорный труд, строгая дисциплина, вера в закон и порядок, поддержка полноценной семьи и уважение к традиционной немецкой общности и национал-социалистическому движению.

За годы из лагерей были освобождены десятки тысяч заключенных, после того, как они показали, что они решились исправиться. Во многих случаях коменданты лагерей установили, что заключенные отказались от своих бывших привычек и решили стать верными членами немецкого общества. Еще в октябре 1944 года из лагерей отпускали заключенных, и многие из них были коммунистами, отказавшимися от своих прежних представлений.¹³

Эта гравюра на дереве из эпохи Второй мировой войны должна была создать представление, будто бы немецкие концентрационные лагеря были ничем иным, как массовыми камерами пыток. Правда состоит в том, что немецкие власти издавали строгие инструкции против истязания заключенных и наказывали тех, кто нарушал эти правила. После войны многие евреи, которые содержались в лагерях, жаловались на то, что еврейские охранники в лагерях в действительности были гораздо более жестокими, чем немцы и другие, размещавшиеся на периферии лагерей (внешняя охрана).

Среди людей, которые поступали в концентрационные лагеря, многие были отправлены туда судебными приговорами на определенное время. Другие были арестованы из-за опасности, которую они представляли для немецкого

общества. Некоторые заключенные, которые были осуждены в веймарские времена, были после освобождения из тюрьмы переведены в концентрационные лагеря. Так как некоторые из этих заключенных были убийцами, насильниками и педофилами, национал-социалистическое государство не хотело позволить им вернуться в немецкое общество, пока власти не были уверены, что эти заключенные отказались от своих старых привычек. Вопреки современному политическому мифу немецкие газеты часто печатали репортажи и статьи о концентрационных лагерях и часто сообщали об аресте и заключении опасных личностей.

Многие из этих лагерей были доступны для инспекций иностранных дипломатов и даже немецких гражданских лиц. Часто любопытные люди путешествовали по лагерям, там их встречали приветливые охранники, и в их сопровождении эти посетители могли в частном порядке совершить экскурсию по лагерю. Десятки тысяч заключенных, которые были освобождены, вероятно, рассказывали своим родственникам, друзьям и соседям о ситуации, царившей в лагерях. За многие годы судьи, адвокаты, священники, социальные работники и ремесленники неоднократно получали возможность посетить лагерь для своих дел. Торговцы часто посещали лагерь, чтобы пополнять там запасы, и местные жители часто получали работу в лагерях. Если бы положение в лагерях было жалким, то немецкое общество узнало бы об этом и было бы возмущено. Немцы были – и все еще остаются – порядочным народом, единственным преступлением которого при создании лагерей было то, что они продемонстрировали мягкость по отношению к людям, желавшим нанести им вред.

В книге, написанной об управлении лагерем в Ораниенбурге, Вернер Шафер утверждал, что некоторые граждане местных общин просили о разрешении отправить некоторых своих непослушных детей в лагерь, чтобы научить их там самодисциплине. Шафер также говорил, что было несколько заключенных, которые, когда им было предложено освобождение, отказывались выходить на свободу, так как они не могли вспомнить, когда они в последний раз работали после начала мирового экономического кризиса.¹⁴ Шафер составил список о питании, которое получали заключенные, и рассчитал, насколько они прибавили в весе за время своего пребывания в лагере. У граждан национал-социалистической Германии были хорошие причины поддерживать чиновников, которые управляли лагерями.

Вид заключения в концентрационных лагерях лучше всего можно понять с помощью одного документа, подписанного Гиммлером, в котором объяснялись принципы заключения в концентрационный лагерь. Документ этот не был предназначен для общественности и носил гриф «секретно», прежде чем 27 мая 1942 он был отправлен руководящим офицерам Гестапо. В нем говорится:

«Недавно различные чиновники в партии и правительстве начали подавать полиции жалобы на граждан или отправляли их в концентрационные лагеря, чтобы придать больший вес различным приказам и распоряжениям. Так, например, один чиновник пригрозил некоему гражданину, что отправит его в лагерь для «полицейского допроса», если тот в течение пяти дней не представит определенный формуляр, как было ему предписано одним из чиновников. Я очень серьезно прошу дать участникам этого дела строгое указание немедленно прекратить подобную практику, и если это не произойдет, то я сам публично объявлю, что граждане при этих обстоятельствах не подлежат полицейскому допросу или заключению в концентрационном лагере. Самое тяжелое наказание теряет свою ценность устрашения, если им грозят при каждом случае, или если создается впечатление, что любой чиновник в любом учреждении имеет право назначать такое наказание.

Заключение в концентрационном лагере, означающее разлуку с семьей, изоляцию от внешнего мира и тяжелую работу, которая назначается заключенному – это самая тяжелая форма наказания. Назначать такое наказание имеет право исключительно тайная полиция согласно своим точным инструкциям, которые определяют вид заключения и его срок. В этом вопросе я оставил за собой большую часть полномочий и исключительную свободу распоряжения. В большинстве своем немцы уникально порядочные люди. Подавляющее большинство немцев выполняют распоряжения властей добровольно, по собственной свободной воле и желанию. Тем не менее, распоряжения, которые связаны с угрозами, воспринимаются с неуважением, и люди следуют таким приказам лишь недобровольно и без желания, не говоря уже о том, что множество угроз такого рода создают ошибочное впечатление как внутри страны, так и за границей».¹⁵

Этот документ не только освещает тот факт, что система концентрационных лагерей не была создана для мести или для того, чтобы терроризировать гражданское население, но он также показывает, что руководители государства заботились о заключенных. Гиммлер понимал, что заключение означает изоляцию и разлуку с близкими людьми, и был полон решимости разъяснить немцам, что люди, которые содержались в лагерях, представляли собой крайние случаи. Но еще более важно, как можно это увидеть задним числом, что этот документ позволяет нам также понять, откуда происходила часть пропаганды союзников. Мелкие подчиненные чиновники испытывали соблазн прибавить к своим распоряжениям еще и угрозы, чтобы создать впечатление, будто бы они были могущественнее, чем они были на самом деле. Действия таких подчиненных чиновников позволяли союзникам в своей пропаганде утверждать, что концлагеря существовали для того, чтобы терроризировать гражданское население и принуждать его покоряться государству, которое решало только свои собственные, эгоистические задачи. Гиммлер как раз и опасался того, что могло бы произойти так, что концентрационные

лагеря станут рассматриваться как учреждения для осуществления наказаний, а не как центры перевоспитания, которыми они были в действительности.

Чтобы удовлетворять потребности перевоспитания, персонал лагеря был разделен на разные отделы, которые занимались такими делами как управление, персонал, связь, почта, техническое оснащение, приготовление пищи, снабжение, здравоохранение и гигиена и так далее. Коменданта лагеря поддерживали его заместитель, адъютант, обер-фельдфебель, врач, офицер пожарной команды и другие. Коменданты лично отвечали за перевоспитание тех заключенных, которые не рассматривались как «безнадежные случаи». Так как лагеря часто были открыты для общественных инспекций, от комендантов также ожидалось, что они обладают определенной степенью политической чувствительности. С 1942 года коменданты отвечали также за работу врача лагеря и медицинский персонал.

Коменданты лагеря были полностью ответственны почти за все, что происходило в лагерях, за исключением работы политического отдела. Политический отдел работал в лагерях как филиал Гестапо, и возглавлял его офицер тайной полиции в штатском. Этот отдел занимался приемом и регистрацией заключенных, а также отвечал за их освобождение. Он

- вел досье на каждого заключенного, включая личные подробности каждого заключенного, его фотографию и отпечатки пальцев;
- отвечал за регистрацию случаев смерти и передавал эту информацию соответствующим властям;
- переписывался с родственниками заключенного в случаях, если была необходимость заниматься опекой несовершеннолетних детей, правами на страховку и т.д.;
- имел полномочия предписывать особые условия ареста;
- отвечал за все допросы, которые происходили в лагере; и
- контролировал осведомителей, цензуру, принимал меры предосторожности и занимался предотвращением бунтов.

Не у всех членов лагерного персонала был непосредственный и ежедневный контакт с узниками. Заключенные содержались на особенных огороженных территориях, и за ними там надзирал специально откомандированный начальник со своим штабом. Некоторые сотрудники штаба отвечали за переключку, другие – за распределение работ. Одни конвоировали заключенных,

когда те шли на работу за пределами лагеря, в то время как другие отвечали за каждую группу барачков, которая, в свою очередь, называлась блоком. Личный заместитель коменданта лагеря обычно следил за отделением заключенных лагеря.

Эта гротескная скульптура «евреев, которых убивают газом», демонстрируется в американском Мемориальном музее Холокоста. Хотя телесериал «Холокост» телекомпании NBC – программа с наибольшим на то время количеством зрителей в истории телевидения – показывал сцену, которая предполагала, что фотографии умирающих евреев были сделаны в газовых камерах, такие фотографии так никогда и не были найдены; несмотря на тот факт, что немцы фотографировали расстрелы евреев и других воевавших с немцами партизан на Восточном фронте. Почему евреи так наслаждаются этой безвкусной скульптурой, остается загадкой для многих неевреев, так как они не способны понять, почему евреи не рады узнать, что масштаб трагедии, которая постигла евреев во время Второй мировой войны, был не так велик, как долго считалось. По этой причине даже многие еврейские философы выступают против того, чтобы Холокост ставили в центр еврейского существования.

Коменданту лагерю также было поручено предотвращать жестокость по отношению к заключенным. Одна учебная брошюра для охраны лагеря задавала следующий вопрос: «Что запрещено охраннику лагеря при любых обстоятельствах? Ответ: при любых обстоятельствах запрещено бить заключенных по собственной инициативе за рамками общих условий дисциплинарных предписаний».

В 1935 году Райнхард Гейдрих написал охранникам лагеря распоряжение, в котором говорилось, что «допрашивающему не подобает оскорблять заключенного, унижать его или вести себя грубо и обращаться с ним жестоко или мучить, если для этого нет никакой необходимости». Гейдрих далее предостерегал персонал лагеря, что если они будут бить заключенных, то они предстанут перед военным трибуналом.¹⁶ Айке в 1937 году писал, что «охранникам следовало дать указания остерегаться истязать заключенных... Даже если охранник всего лишь дал заключенному пощечину, эта пощечина рассматривается как акт жестокости, и охранник подлежит наказанию».¹⁷

На самом деле СС наказывали своих собственных членов за их поведение во время службы в концентрационных лагерях. Два лагерных коменданта, Адам Грюнвальд и Карл Хмелевский, были преданы суду и признаны виновными за смерть заключенных вследствие жестокости в управляемых ими лагерях. За время существования Третьего Рейха СС предали суду более 700 членов своего персонала. Это было потому, что СС и национал-социалистическое государство всегда и в первую очередь рассматривали концентрационные лагеря как лагеря для перевоспитания.

Это верно, что люди, которые рассматривались как безнадежные случаи, как например, преступники-рецидивисты, были отправлены в лагеря, но большинство заключенных всегда могли заслужить свое освобождение, если они приспособивались к традиционному арийскому немецкому поведению. К несчастью, многие лагерные охранники не могли делать различие между уголовником-рецидивистом и человеком, который мог исправиться. Эта проблема преследовала администрацию лагерей на протяжении всей истории Третьего Рейха.

Освальд Поль жаловался: «Как результат моего личного занятия этим делом и неоднократными незаконными действиями, которые недавно были обнаружены, я узнал, что из лагерных охранников многие лишь очень поверхностно знакомы с обязательствами, возложенными на них».¹⁸

Но историки должны принимать во внимание то обстоятельство, что в лагерях служили десятки тысяч человек. Если семьсот из них совершили преступления и были за это наказаны, то это подчеркивает тот факт, что другие десятки тысяч немцев, которые служили в лагерях, всерьез принимали свою ответственность. Большинство лагерных охранников понимали, что их личное поведение поощряло узников к тому, чтобы они стали честными и гордыми гражданами Германии. В брошюре СС говорится: «Заключенный должен знать, что охранник представляет философию, которая превосходит философию самого заключенного, безупречное политическое состояние и более высокий моральный уровень, и заключенный должен принимать это как лич-

ный пример и часть его усилий, чтобы измениться самому, так, чтобы он снова стал верным гражданином своей общности».¹⁹

В апреле 1939 года Адольф Гитлер отмечал свой пятидесятый день рождения. Чтобы отпраздновать этот повод, было запланировано амнистировать несколько тысяч заключенных в лагерях. Указания, определявшие, кого из заключенных освободить, а кого нет, показывают различные группы заключенных, а также великодушие Гитлера и его добрую волю. Целью амнистии было освободить заключенных, которые были отправлены в лагеря в 1933 году – шесть лет назад.

Было решено, по меньшей мере, принять во внимание лиц, повторно нарушивших закон, которые в 1933-1934 годах были осуждены на короткий срок заключения и провели как минимум один год в лагерях. Также среди тех, кого могли амнистировать, были политические преступники и преступники из привилегированных слоев общества, которые были осуждены за незначительные преступления и отсидели не меньше шести месяцев; заключенные от 60 лет или старше, включая Свидетелей Иеговы, вера которых не позволяла им приносить присягу на верность немецкому государству; первые гомосексуалисты, которые не были осуждены из-за сексуальных отношений с несовершеннолетними; а также заключенные, которые в прошлом были членами нацистской партии.²⁰

Затем в 1941 году лагеря были разделены на четыре группы, в соответствии со строгостью дисциплины и условиями заключения для узников. Условия заключения были облегчены для тех заключенных, которые находились в лагерях из-за незначительных правонарушений и рассматривались СС как люди, которых, возможно, можно будет перевоспитать.

В 1938 году рабочий день в лагерях был определен официально. В рабочие дни заключенные работали с 7:30 до 12:00 и с 12:30 до 17:00; в целом девять часов в день. По субботам работали с 7:30 до 12:00; в целом четыре с половиной часа. Не только вторая половина дня в субботу была свободной от работы, но и заключенные-христиане имели в своем распоряжении все воскресенье, чтобы посещать свои собственные богослужения внутри лагеря и поразмыслить о причинах своего заключения.²¹

Здесь показаны узники концентрационного лагеря на своих рабочих местах. Чистота и аккуратность в условиях труда были правилом. Среди прочих вещей в концентрационных лагерях производилось вооружение и другие изделия, которые были жизненно важны для военных усилий Германии, и по этой причине администрация лагеря прилагала большие усилия для того, чтобы заключенные были здоровы. Во время войны условия жизни в лагерях во многих случаях превосходили условия, в которых жили немецкие гражданские лица.

Внутри лагерей бараки разделялись по половому принципу, но во многих случаях заключенным разрешали сочетаться браком, даже с другими заключенными. Регистрацией брака в таких случаях занимались офицеры СС.²²

Наследники заключенного, который умирал в лагере, имели право на получение страховой суммы за его страхование жизни. Так как страхования жизни переставали действовать, если не оплачивались страховые взносы, а заключенные находились взаперти и не получали сколь-нибудь значительные доходы, то в СС нашли решение, которое не хотят признавать придворные историки. СС создали свой собственный фонд, чтобы уплачивать страховые взносы заключенных до дня их смерти.²³ Таким образом, члены семей заключенных не несли излишних расходов, если их родственник умирал, находясь в заключении.

В 1936 году впервые был поднят вопрос, кто должен был обеспечивать детей, если оба родителя были заключенными в концентрационных лагерях. Вместо того, чтобы отнимать детей у родителей, как происходит сегодня в таких странах как Соединенные Штаты и Великобритания, национал-социалистические власти в Германии решили, что для детей было бы лучше, если бы родителей по очереди освобождали на месяц, чтобы как минимум один родитель мог позаботиться о потребностях детей. Это попеременное освобождение продолжалось, пока один из родителей не был совсем освобожден.²⁴

Естественно, эта программа представляла небольшую потенциальную угрозу безопасности для Германии, но, по-видимому, Гитлер больше стремился к благу немецких детей, чем к чему-то другому.

Хотя военная пропаганда союзников представляет немецкие концентрационные лагеря в самом мрачном виде, с ритуальными убийствами, изнасилованиями, насильственными оскорблениями и другими преступлениями, это представление просто не подтверждается фактами того времени.

Усилия национал-социалистов реабилитировать и перевоспитывать заключенных уголовных преступников и коммунистов свидетельствуют об их преданности, верности долгу и твердой вере в свои убеждения – о том, что при сравнении явно отсутствует у тюремных администраций в Соединенных Штатах и Великобритании. Тех немцев, те десятки тысяч патриотических граждан, которые служили в лагерях в качестве врачей, санитаров, поваров, служащих, бухгалтеров и охранников, власти союзников в послевоенной Германии очерняли самым подлым образом и жестоко их преследовали.

Примечания:

¹См. Пьер Хофштеттер (Pierre Hofstetter), предисловие к книге Поля Рассинье: Paul Rassinier, *Debunking the Genocide Myth: A Study of the Nazi Concentration Camps and the Alleged Extermination of European Jewry* (Torrance, California, 1978), стр. х.

²Heinz Hoehne, *The Order of the Death's Head* (New York, 1966), стр. 225.

³Там же, стр. 226.

⁴Там же, цитируется на стр. 226.

⁵Max Domarus, *Hitler Reden*, v. 3 (Wiesbaden: R. Loweit, 1973), стр. 58.

⁶Becker, *Hitlers Machtergreifung*, стр. 149-50.

⁷Там же, Frs. 2494-5.

⁸"Nazi Prison Camps to be Permanent," *The New York Times*, 27. Juli 1933, стр. 7.

⁹ВАКО R 58/264 fol. 1309 u. 198a.

¹⁰Там же.

¹¹ВАКО NS 19 320, 29. Mai 1942.

¹²ВАКО NS 3 426, 27. Juli 1943.

¹³ВАКО NS 3 Bd. 401.

¹⁴Schafer, *Konzentrationslager Oranienburg*, стр. 247.

¹⁵ВАКО R 58 1027 fol. 1-291.

¹⁶ВАКО R 58 264 fol. 309 u. 198a RSHA, 8. Januar 1935.

¹⁷TV *Befehlsblätter* 1937, no. 5, стр. 12, TV file, Berlin Document Center.

¹⁸BAKO NS 3 442, 7. November 1944.

¹⁹*Aufgaben und Pflichten der Wachposten*, 27. Juli 1943, BAKO NS 3 426.

²⁰BAKO R 58/1027 fold. 1-291.

²¹Natzweiler Routine Orders, 25. Februar 1943, American Historical Association, Captured German Documents, Microfiled at the Berlin Document Center, 7. 75 R. 216 2/755081.

²²BAKO NS 3 Bd. 426, Mai 1943.

²³*Weiterversicherung von Häftlingen*, BAKO NS 3 405.

²⁴BAKO R 58 246 fol. 1 309 u. 198a. (RSHA), 21. April 1936.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).